

А. И. Лызлова и «Жития Никона» И. К. Шушерина) автор показал, как перелом в мировоззрении историографов, которые от средневекового провинциализма постепенно переходят к рационалистическому объяснению исторических фактов, влияет на саму природу исторического жанра. Для структуры этих памятников характерно сюжетное, а не летописное повествование, широкое использование устных и письменных источников, значительно меньшее обращение к «чудесам» и «видениям» — неизменным компонентам историографических произведений прошлого. Статья, на наш взгляд, выиграла бы еще больше, если бы автор сопоставил названные произведения с некоторыми историческими памятниками более раннего времени. Дело в том, что новые черты возникли не сразу, а формировались постепенно на протяжении всего XVII в. Так, уже для «Сказания Авраамия Палицына» характерно включение эпистолярных и документальных жанров — грамот, посланий, отписок. А от хронологического принципа во многом отходит в своем «Временнике» Иван Тимофеев: произведение складывается из ряда психологических портретов, которые нарисованы на фоне исторических событий, свободно переставляемых писателем в зависимости от характеристики того или иного лица.

Работу Е. В. Чистяковой о путях развития исторического жанра дополняют статьи В. П. Гребенюка «„Повесть о Темир-Аксаке“ и ее литературная судьба в XVI—XVII веках» и Е. В. Колосовой «„Созерцание краткое“ Сильвестра Медведа и традиции русской исторической повести XVII в.».

Новое осмысление старого сюжета — тема статьи «Повесть об ангеле, ослужившемся бога». Н. С. Демкова и З. П. Семякина, скрупулезно анализируя списки повести, обращают внимание читателя на то, как новые литературные вкусы влияют на идейное содержание и художественную форму произведения: сюжет обрывает подробностями и становится более занимательным, а в решении вопроса о справедливости божьего суда звучат критические ноты, столь характерные для XVII в.

От внимания ученых не ускользают изменения, происходящие в структуре традиционных жанров, а также появление новых способов изображения действительности. Польская исследовательница Паулина Левина («Сценическая структура восточнославянских интермедий»), изучив значительное число русских и украинских интермедий, приходит к выводу, что демократизация литературного процесса обуславливает такую особенность народных, а отчасти и школьных интермедий XVII — начала XVIII в., как вовлечение в сценическое действие зрителей. Очень интересны наблюдения над указаниями в пьесах о мимике, жестах и действиях героев, которые порой преобладают над словом. Правда, следо-

вало бы при этом более подробно показать, каким образом «оживленное» движение на сцене нередко целиком заменяет драматическое действие и обуславливает зрительский темп спектакля» (стр. 116). Такая замена привела бы, представляется нам, к разрушению интермедии как явления литературы, а на сцене превратила бы ее в беспорядочную сумму движений, не организованных единым замыслом. Рассматриваемым памятникам это отнюдь не свойственно. Впрочем, сама исследовательница далее совершенно правильно пишет о значении для развития действия пантомимы — именно последняя и подготавливает большей частью кульминацию и развязку пьесы.

Художественная деталь, способная воссоздать в повествовании иллюзию целого, — один из тех литературных приемов, который, по мнению А. С. Демина («Реально-бытовые детали в „Житиях протопопа Аввакума“»), не был знаком предшествующей древнерусской литературе, а в переходный период особенно ярко проявился в автобиографии Аввакума. На сопоставлении с однозначными реально-бытовыми деталями документальных жанров автор интересно раскрывает емкость и многоплановость художественных деталей у протопопа Аввакума — особенно велика их роль в изображении природы. Не совсем лишь точно, на наш взгляд, утверждение о том, что природа у древнерусского писателя является «фоном жизни человека». Человек и природа в сочинениях этого выдающегося художника — категория гораздо более сложная. Аввакуму, как никому из старых, а может быть и новых писателей, свойственно чувственное восприятие внешнего мира, который он осязает, так сказать, всей своей кожей. Автор „Жития“ изображает не столько природу или быт, сколько свое ощущение, возникающее от соприкосновения с внешними предметами. В лице Аввакума мы имеем по существу дело с писателем-сенсуалистом, тяготеющим стихийно к материализму, и эту сторону его мироощущения действительно помогает раскрыть художественная деталь, о которой так хорошо написал А. С. Демин.

Появление новых тенденций в повествовательной литературе прослеживает Н. А. Бакланова («Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII—XVIII веков»), особенности лирических песен рассматривает А. В. Позднеев («Неизвестная поэтесса Петровского времени»).

Статьи Л. Н. Пушкарева («Повесть о Еруслане Лазаревиче в русской любочной картинке XIX — начала XX века»), Л. П. Сидоровой («Историческая любочная повесть И. Кассирова „Княжия могила“ и ее древнерусские источники») и В. Ю. Троицкого («Некоторые сюжеты и образы древней русской литературы у Н. Лескова») выходят в какой-то степени за тематические рамки сборника. Но главную задачу — показать связь вре-